

Проф. Д. П. Каллистов

ИЗМЕНА ГИЛОНА

«Афины, Нимфей и измена Гилона» — под таким заглавием 15 лет назад покойный академик Сергей Александрович Жебелев опубликовал свое небольшое по числу страниц, но весьма содержательное исследование, касавшееся одного из важнейших вопросов в истории нашего Юга классической эпохи — именно вопроса о вхождении североэгейских городов-колоний в состав Афинского союза¹.

В те годы по этому вопросу уже существовало прочно установившееся мнение. Целый ряд буржуазных ученых, таких, как Ульрих Келер, Дункер, Бузольт, Белох и Глотц, высказались в пользу признания североэгейских городов, в частности и Нимфея, членами афинского государственного объединения, платящими Афинам φόρος.

С. А. Жебелева это обстоятельство, однако, ни в малейшей мере не смутило. Со свойственной ему решительностью он не остановился перед тем, чтобы подвергнуть критическому пересмотру те основания, на которых зиждилось приведенное выше мнение авторитетов буржуазной науки.

Необходимо сказать, что в то время это мнение имело под собой более чем зыбкие основания. До нас дошла речь Эсхина против Ктесифонта, произнесенная им в 330 г. до н. э. Ктесифонт предложил афинскому народному собранию увенчать Демосфена золотым венком за услуги, оказанные им афинскому государству.

Возражая против этого предложения и стараясь как можно сильнее очернить своего противника, Эсхин касается в этой речи и одного из предков Демосфена — деда оратора по материнской линии, Гилона. По словам Эсхина, Гилон предал врагам Нимфей, который принадлежал афинянам, и, приговоренный за это в порядке исангелии к смертной казни, бежал на Боспор, где получил из рук боспорского правителя (может быть, как вознаграждение за свое предательство) город Кефы (Aesch., adv. Ctesiph., 171, 172 = SC, I, стр. 370).

Речи афинских ораторов IV в. до н. э. — источник весьма тенденциозный. Они относятся к той поре афинской истории, когда политическая обстановка в городе накалилась до крайности и обострение борьбы между различными группировками граждан достигло апогея. Политические деятели не стеснялись в средствах. Любое обвинение, любая клевета, способные скомпрометировать противника, пускались в ход.

¹ «Из истории Боспора», ИГАИМК, вып. 104 (1935), стр. 24—37

Поэтому С. А. Жебелев был, конечно, прав, когда подверг обстоятельному критическому разбору речь Эскина, известного своей непримиримой враждой к Демосфену. С. А. Жебелев взвесил все обвинения, выдвинутые Эскином против Демосфена, сопоставил их с речами самого Демосфена и учел все данные об обстановке и в Афинах и на Боспоре, какими он мог располагать. В конечном счете он пришел к выводу, что свидетельство о предательстве Гилона нельзя признать достоверным и что Нимфей тогда не находился в составе Афинского союза.

Надо, однако, сказать, что в те годы, когда С. А. Жебелев писал свое исследование, нимфейское городище было изучено еще весьма поверхностно, и в науке существовали превратные представления об общем облике этого античного поселения. Так, Ростовцев, например, считал типичными для нимфейского некрополя погребения со смешанным греко-туземным инвентарем¹. О влиянии Афин на материальную культуру города в то время ничего определенного сказать было еще нельзя².

Что касается эпиграфических источников, имеющих отношение к вопросу о вхождении Нимфея и других северопонтийских городов в состав Афинского союза, то единственным таким источником тогда являлся весьма плохой сохранившийся фрагмент афинской надписи 425/24 г. — списка членов Афинского союза с указанием размеров причитающегося с них фороса. Цифры фороса в этой надписи сохранились, но имена городов, к которым относятся эти цифры, либо совершенно не сохранились, либо от них остались лишь начальные буквы.

В настоящее время в поле зрения науки попал ряд новых данных, явившихся результатом деятельности главным образом советских ученых. В связи с этим изменился и ряд прежних представлений о Северном Причерноморье этой эпохи.

Можно ли при таких условиях не подвергнуть пересмотру и ряд прежних выводов, хотя бы они принадлежали такому выдающемуся исследователю античного Причерноморья, каким был С. А. Жебелев? Не следует забывать, что и сам он — и это для него очень характерно — неоднократно пересматривал в свете новых данных свои ранее выдвинутые положения.

Новые данные, о которых сейчас идет речь, прежде всего состоят в находке ранее не известного эпиграфического текста, существенным образом дополняющего афинскую надпись — список 425/24 г. Это так называемый фрагмент № 38 из списка фороса за 425 г., впервые опубликованный в 1939 г.³ От той части надписи, в которой упоминались податные города Фракийского округа, сохранилась следующая часть текста: ... ἐκ τῶ Εὐ. Предложенное Мериттом восстановление: [πόλις] ἐκ τῶ Εὐ [ξείνο πότι] представляется единственно возможным.

Таким образом, теперь уже с уверенностью можно думать, что понтийские города входили в Афинский союз и организационно находились в составе Фракийского округа. Сохранившиеся в тексте списка 425/24 г. начальные буквы имен городов — членов союза при таких условиях уже с известным правом можно восстановить, как имена северопонтийских городов. Восстановление «Νο» — «Нимфей» более чем вероятно, ибо мы не знаем среди понтийских городов другого такого города, имя которого начиналось бы с этих букв.

Пребывание Нимфея в составе союза косвенным образом может быть подтверждено и археологическими исследованиями его городища в по-

¹ Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 253.

² М. М. Худяк, Работы Нимфейской экспедиции 1939 г., ТОАМЭ, I (1945), стр. 146.

³ Meritt, Wade-Gery, M. C. Gregor, The Athenian Tribute Lists, т. I, Cambr., 1939, стр. 116.

следнее время. Результаты этих исследований позволяют с уверенностью констатировать наличие сильной струи афинского влияния на материальную культуру города. Раскопки всех этих лет показали, что аттическая керамика VI и V вв. до н. э. весьма характерна для культурных слоев Нимфейского городища, соответствующих этому времени (М. М. Худяк, ук. соч., стр. 151).

В свете этих новых данных иное значение приобретают и свидетельства античных авторов, прежде всего свидетельство Гарпократиона, в свое время отвергнутое С. А. Жебелевым¹. Гарпократион, комментируя соответствующее место из речи Эсхила «Нимфей на Поите», с полной определенностью пишет, что этот город платил Афинам 1 талант фороса. При этом Гарпократион ссылается на такой надежный источник, как собрание псефизм Кратера (H a r p., s. v. Νίμφαιον = SC, I, стр. 589). Если обратиться к другим свидетельствам античных писателей о Гилоне, то и они вряд ли могут дать основания для недоверия. Дед Демосфена по материнской линии, Гилон, был осужден в порядке исангелии. Преступление подобного характера, как известно, влекло за собою не только смертную казнь и конфискацию имущества осужденного, но и порочило всех его потомков.

В традиции о Гилоне ясно обнаруживаются две различные тенденции. Одна из них апологетична по отношению к Демосфену; другая, напротив, враждебна ему. Так, например, автор одной из биографий Демосфена сообщает, что Гилон возбудил «зависть своими добродетелями» среди афинян. Еще до официального предъявления обвинения суда он удалился из Афин, «будучи обесславленным обидой обвинения» и «испугавшись сикофантов» (SC, I, стр. 369). Зосим Аскалонский в своем жизнеописании Демосфена говорит об измене Гилона в совершенно ином тоне. Здесь сухо констатируется тот факт, что дед Демосфена, Гилон, предал Нимфей и должен был подвергнуться суду, но бежал (SC, I, стр. 369). Если же обратиться к речи Эсхила, то получается, что Гилон бежал уже после судебного процесса, будучи приговоренным к смертной казни. Наконец, схолиаст одной из рукописей Эсхила кратко сообщает, что Нимфеем владели афиняне и Гилон предал (προέδωκε) этот город боспорским тиранам².

Таким образом, расхождение между свидетельствами связано лишь с различной интерпретацией вопроса о виновности Гилона и обстоятельств его бегства. Самый же факт обвинения его в измене, как видно, разногласий у античных писателей не вызывал. В этом отношении все авторы указанных свидетельств единодушны.

Опираясь на такого рода эпиграфические и литературные данные, вряд ли можно теперь согласиться и с другими доводами С. А. Жебелева, вся аргументация которого направлена против признания измены Гилона и отпадения Нимфея от Афин достоверным историческим событием. С. А. Жебелеву кажется, например, маловероятным, чтобы Сатир, находившийся в дружеских отношениях с Афинами, мог принять Гилона и даже дать ему в управление Кепы (ук. соч., стр. 31). К. Э. Гриневич по этому поводу вполне справедливо замечает, что, действительно, Сатир мог быть (и был) дружественным к Афинам, когда это касалось хлебной торговли, и в то же время мог помогать вырвать Нимфей у Афин³.

Вопрос этот нуждается в более детальном рассмотрении. Было бы важно выяснить не только самый факт измены, но и сопутствующие ему

¹ С. А. Жебелев, Образование Боспорского царства, ИГАИМК, вып. 104, стр. 27.

² Aesch., c. Ctesiph., 171; ср. С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 30.

³ К. Э. Гриневич, Оборона Боспора Киммерийского, ВДИ, 1946, № 2, стр. 162.

обстоятельства. Поскольку мы не располагаем об этих обстоятельствах конкретными сведениями, остается под соответствующим углом зрения проанализировать историческую обстановку, сложившуюся в рассматриваемое время на Боспоре, чтобы таким путем попытаться еще с одной стороны осветить весь ход событий, связанных с отпадением Нимфея и изменой Гилона.

Пожалуй, наиболее своеобразной особенностью Боспорского государства было то, что, возникнув в форме объединения греческих городов-колоний, оно в дальнейшем, причем еще в классическую эпоху, становится государством греко-туземным.

Мы хорошо знаем присущую всем греческим городам тенденцию к политической самостоятельности и обособленности. В известном отношении вся история греческих городов-государств классического периода представляет собой историю мучительных и бесплодных попыток преодолеть органически присущую им склонность к сепаратизму, выйти за пределы полисной ограниченности, создать объединения более широкого характера. В лучшем случае попытки такого рода заканчивались появлением суррогата территориального государства, всегда оказывавшегося недолговечным.

Боспорское государственное объединение, просуществовавшее много веков, представляет собой в этом отношении историческое исключение. Было бы, однако, неверно думать, что вековая приверженность к автаркии греческих городов, вошедших в состав этого государства, полностью прекратила свое существование. При внимательном изучении известных нам из источников фактов боспорской истории можно уловить в них отражение и этого рода тенденций.

Напоминаем, что приход к власти на Боспоре новой династии Спартокидов по времени совпадает с началом боспорской территориальной экспансии. Вряд ли могут быть сомнения в том, что эту экспансию приходится связать, в первую очередь, с существенными переменами в общей экономической конъюнктуре, которые в конечном счете превратили Боспор в крупнейшего экспортера хлеба. У нас имеются все основания считать, что северочерноморские города-колонии греков (разве только, может быть, за исключением Херсонеса) были прежде всего городами торговыми. Об этом свидетельствуют, например, такие установленные археологией факты, как преобладание в первый период их существования импортной, преимущественно ионийской, керамики над керамикой местного производства.

При таких условиях ионийское восстание и последовавший за ним разгром главных экономических центров Ионии, с которыми торговали северочерноморские города, не могли не сказаться самым пагубным образом и на боспорской торговле. После исторических побед греков 480—479 гг. общая конъюнктура на рынке, конечно, улучшилась, но, надо думать, не сразу. Некогда процветавшие торговые центры ионийского побережья в дальнейшем уже никогда не смогли вернуть себе прежнего положения.

Отличительной чертой изменившейся ситуации явилось выступление на исторической арене не только Средиземноморья, но и черноморских побережий новой силы в лице Афин. Афинские устремления к побережьям Черного моря становятся заметными задолго до греко-персидских войн. С первой четверти VI в. до н. э. уже можно наблюдать распространение афинской чернофигурной керамики по всем побережьям Черного моря¹.

¹ B a i l e y, The export of attic black-figure vase, JHS, LX, 1940.

Проблема проникновения к берегам Черного моря была для афинян, несомненно, актуальной на протяжении всего VI в. до н. э.

Когда военная угроза перестала висеть над Грецией, афиняне, естественно, использовали свое усиление и для возобновления расширенной экспансии на Черном море. Нам достаточно хорошо известны конечные результаты этих афинских устремлений, отразившиеся уже в источниках IV в. до н. э. В этом отношении поистине неценные сведения нам дает Демосфен, сообщающий об импорте хлеба в Афины в годы его жизни¹. К IV в. относятся и известный декрет афинского народного собрания в честь боспорских правителей (IG, II², 212 = SIG², 206) и свидетельство Страбона о боспорском хлебном экспорте (S t r a b o, VII, 4, 6). Все установленные на основании этих источников факты об афино-боспорской торговле следует признать заслуживающими полного доверия. Ежегодный вывоз хлеба в Афины достигал, повидимому, цифры 800 тыс. медимнов.

Трудно предположить, чтобы афинско-боспорская торговля получила такое развитие только с IV в. до н. э. Следует думать, что торговые отношения Боспора с Афинами достигли значительного развития еще во второй половине V в. до н. э.

Обычно принято считать, что сдвиг в афинско-боспорской торговле связан с военным поражением афинян в Сицилии. Лишившись сицилийского хлеба, афиняне должны были, естественно, обратить свои взоры на Черное море. После же поражения при Эгос-Потамах и окончания Пелопоннесской войны понтийский хлебный экспорт становится для Афин основным. Такова обычная точка зрения.

Однако совершенно прав А. Коцевалов, который, ссылаясь на афинский декрет 426 г. (С I A, I, 40) о даровании Мефоне привилегии при вывозе хлеба из Византия, считает, что уже в это время афиняне вывозили понтийский хлеб в больших количествах². Весьма характерно, что у афинских деятелей более ранней поры, принадлежавших зачастую к различным и враждебным друг другу политическим направлениям, не было никаких разногласий во взглядах на Черном море.

Интерес афинян к Черному морю отражен у ряда авторов. Согласно версии, передаваемой Плутархом, Аристид умер на Понте (P l u t., Arist., 26); Геродот, уделивший в своем труде большое внимание Причерноморью, несомненно, ориентировался на афинского читателя (об этом свидетельствует, например, 99-я глава его IV книги, в которой Таврика сравнивается с Атикой). В этой связи большой интерес приобретает вопрос о понтийской экспедиции Перикла. Б. Н. Граков считает, что имеются основания говорить не об одной, а о нескольких экспедициях афинян на Понт в V в. до н. э.³ Это мнение, безусловно, заслуживает внимания.

Исходя из всех этих данных, следует связать территориальное расширение границ спартокидского Боспора и рост боспорской политической централизации с увеличением спроса на боспорский хлеб — в первую очередь афинского спроса. Оживление торговли, безусловно, должно было оправдать политику Спартокидов с экономической стороны.

Тем не менее рост боспорской централизации не мог не вызвать известного рода реакции со стороны тех элементов городского населения, которые продолжали находиться во власти старых, полисных традиций.

¹ D e m o s t h., adv. Lept., XX, 29=SC, I, стр. 364; ср. С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства, стр. 602; А. Коцевалов, Торговля хлебом греческих колоний Сев. Причерноморья, Наукові Зап. праці націоведчїдної катедри історії європ. культури, П., 1897, стр. 34.

² А. Коцевалов, ук. соч., стр. 35—37.

³ Б. Н. Граков, ВДИ, 1939, № 3, стр. 238, № 1.

Отражение этого рода реакции можно обнаружить в дошедших до нас сведениях о завоевании Феодосии. Феодосия являлась единственным из крупных городов-колоний, не вошедших в состав боспорского государственного объединения. Подчинение этого города власти Спартокидов, без сомнения, было одним из наиболее важных этапов в их завоевательной деятельности. Обычно завоевание Феодосии ставят в прямую причинную связь с расширением боспорского хлебного экспорта. Действительно, Феодосия, по свидетельству таких авторитетных авторов, как Страбо́н (VII, 4, 4) и Демосфе́н (adv. Lept., XX, 33) обладала прекрасной гаванью. С. А. Жебелев считает, что стремление боспорских Спартокидов овладеть этой гаванью, чтобы использовать ее для целей экспорта, и послужило причиной войны с Феодосией, начатой Сати́ром¹.

Однако у нас имеется и другое свидетельство, проливающее свет на причины этой войны. В Феодосии, по свидетельству анонимного перипла, проживали боспорские изгнанники (Анон., РР Еух., 77 (51). Перипл Анонима, бесспорно, является одним из наиболее надежных источников наших сведений о боспорской территории. Автор этого произведения, несомненно, пользовался каким-то весьма ценным первоисточником, дата которого должна быть отнесена ко времени не позже III в. до н. э. Аноним комбинирует этот источник с периплом Арриана. По контексту анонимного перипла совершенно ясно, что указанную выше фразу о боспорских изгнанниках неизвестный по имени автор заимствовал не из Арриана, а именно из этого, более раннего, и по всем признакам, более надежного первоисточника.

Далее, совершенно несомненно, что, пользуясь разновременными источниками, автор анонимного перипла производил довольно строгий отбор материала. Он выбирает из своих источников только такие данные, которые отвечают его намерению дать в руки своему читателю-путешественнику практически полезное для него руководство.

Упоминание о боспорских изгнанниках, некогда живших в Феодосии, при таких особенностях перипла Анонима вряд ли может носить случайный характер. Очевидно, этот факт был отличительным признаком прошлого Феодосии — естественным признаком, характеризовавшим положение города еще до его присоединения к Боспору.

Конечно, такой внимательный исследователь, как С. А. Жебелев, не мог не обратить внимания на это свидетельство. Но, как нам кажется, он его несколько недооценил. «Выходило бы, — пишет по поводу этого свидетельства С. А. Жебелев, — что боспорские эмигранты, вынужденные по неизвестным нам причинам покинуть Боспор, нашли приют в Феодосии и что это обстоятельство послужило поводом для Сати́ра вступить в войну с Феодосией». «Но если и было так, — говорит он далее, — то это было именно только предлогом; причина же вооруженного конфликта между Боспором и Феодосией была иная, более существенная»². С. А. Жебелев видит эту «более существенную» причину в «торговой конкуренции» между Пантикапеем и Феодосией (там же, стр. 15).

Отнюдь не отрицая экономической заинтересованности Боспора в подчинении Феодосии, вряд ли, однако, можно в данном случае полностью согласиться с С. А. Жебелевым. Пантикапей в то время, о котором идет речь, был уже главным центром Боспора. Он стоял на основной магистрали и был одинаково хорошо связан и с Таманским побережьем, и с побережьями Азовского моря. Пантикапей первым на Боспоре начинает чеканить

¹ С. А. Жебелев, Образование Боспорского царства, ИГАИМК, вып. 104 (1935), стр. 14 сл.

² «Образование Боспорского царства», ИГАИМК, вып. 104 (1935), стр. 14.

монету, и его монетные выпуски по своему обилию и разнообразию не могут идти в сравнение ни с одним из северочерноморских городов, за исключением разве только Ольвии. Между тем, все, что мы знаем о Феодосии периода ее независимости, говорит об относительной бедности этого города. Среди погребений Феодосии не было обнаружено до сих пор ни одного монументального склепа, подобного пантикапейским. Каменных и плитовых гробниц в некрополе Феодосии также не встречается. Состав погребального инвентаря скромнен, можно даже сказать, — беден¹. Ту же картину дает нумизматический материал Феодосии. Бертье-Делагард насчитывает пять типов серебряных монет Феодосии, причем каждый из этих типов представлен только одним-двумя-тремя экземплярами². Наиболее ранние феодосийские монеты Бертье-Делагард и А. Н. Зограф датируют концом V в. до н. э.³ Эти монеты, безусловно, относятся еще к периоду независимости города и таким образом характеризуют положение Феодосии до подчинения ее Боспору. Вряд ли можно при всех этих условиях считать Феодосию серьезным конкурентом Пантикапея. Для пантикапейских купцов Феодосия являлась не конкурентом, а всего-навсего лишь удобным транзитным пунктом — прекрасной гаванью. Так она и была использована после присоединения к Боспорскому царству, правитель которого, по словам Демосфена, устроил в ней новый торговый порт не хуже пантикапейского и предоставил в нем ателию афинянам (Demosth., adv. Lept., XX, 30).

Конечно, нам неизвестны конкретные причины, заставившие боспорских эмигрантов покинуть Боспор и искать приют в Феодосии. В этом отношении С. А. Жебелев совершенно прав. Однако об этих причинах можно догадываться, если связать это бегство с предполагаемой нами оппозицией, объединившей поборников полисной независимости и направленной против централизации, которую проводили Спартокиды.

Свидетельство Анонима не является единственным источником, отражившим существование этой оппозиции. Сведения о ней содержатся в известной трапезитской речи Исократ. Из этой речи мы узнаем, что отцу ответчика, Сопею, было инкриминировано покушение на власть того самого боспорского Сатира, который предпринял поход против Феодосии и умер под ее стенами во время осады⁴. Сам ответчик был обвинен в сношениях с боспорскими изгнанниками: *καὶ τὸ τοῖς φυγάσι συγγιγνοίμην*. О заговорах против Левкона сообщает тот же П о л и е н (VI, 9, 2 = SC, I, стр. 565).

Таким образом, известия о начале боспорской территориальной экспансии, связанной с именем Сатира, сопровождаются в наших источниках рядом данных о существовании на Боспоре противников проводимой Спартокидами политики. Учитывая хорошо известные нам особенности политической жизни греческих городов, едва ли можно сомневаться в том, что оппозиционные настроения сторонников полисной независимости должны были в это время усилиться.

Благодаря тому же П о л и е н у (V, 23 и 44; VI, 9) и «Экономике» А р и с т о т е л я (II, 2, 8, р. 1947, в. 3) до нас дошли не вызывающие сомнения в своей достоверности сведения об участии в войне на стороне Феодосии Гераклеи Понтийской. Мотивы, побудившие Гераклею вступить в эту войну, по мнению С. А. Жебелева, определялись ее заинтересован-

¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 251 сл.

² Бертье-Делагард, «Нум. сб.», II, стр. 75 сл. Кроме того, известны еще два типа медных монет более позднего периода — середина IV в. и III в. до н. э.

³ А. Н. Зограф, Архив ИИМК АН СССР, ф. 35, Оп. 2, № 61. Античные монеты, стр. 473.

⁴ Isocr., Trar., XVII, 3, 5 — В тексте речи обвинение, предъявленное отцу ответчика, сформулировано так: *ὁ πατὴρ οὐμὸς ἐπιβουλεύει τῇ ἀρχῇ...*

ностью в Херсонесе. Над этой колонией гераклеотов, в случае дальнейшего продвижения Боспора на запад, нависла бы грозная опасность¹. А. Н. Зограф находит подтверждение этого предположения в нумизматических данных. Действительно, один из типов феодосийских монет, именно тип бодающегося быка, был, повидимому, заимствован Феодосией у Гераклеи или Херсонеса. Такого рода заимствования, весьма вероятно, отражают наличие союзных отношений между тремя названными городами². А. Н. Зограф идет еще дальше: он предполагает заинтересованность Гераклеи и в азиатском побережье Боспора. Следовательно, по его мнению, она имела достаточно оснований для того, чтобы вмешаться в войну (ук. соч., стр. 498).

Не касаясь сейчас более подробно этого вопроса, позволим себе подчеркнуть главное: Феодосия, а значит и проживавшие в ней боспорские политические эмигранты, оказались в состоянии заручиться помощью других греческих государств. Настороженность Сатира, о которой рассказывает Исократ, имела под собой, таким образом, серьезные основания. Он не случайно заподозрил афинского коммерсанта в связях с местной оппозицией.

Эту связь между внутренней политической обстановкой на Боспоре и находящимися вне его политическими силами еще яснее показывает Диодор в своем рассказе о междоусобной борьбе сыновей Перисада (D i o d., XX, 22—26). В ходе этой борьбы ясно обозначились две группировки. Во главе одной из них стоял Евмел. Уже после победы Евмела над своими противниками пантикапейские граждане продолжали относиться к нему враждебно. Тогда, чтобы смягчить создавшееся положение и, заручившись симпатиями пантикапейцев, упрочить свою власть, Евмел собирает в Пантикапее народное собрание. На нем он произносит речь, а затем, желая приобрести расположение граждан, проводит ряд популярных в их глазах мер. Он восстанавливает *τὴν πατρίαν πολιτείαν* пантикапейцев, дарует городу ателию, которой жители Пантикапея пользовались при его предках, обещает освободить город от налогов и говорит еще о «многом другом» (D i o d., XX, 24).

Автор, которым пользуется Диодор, рассказывает все это в тоне панегирическом по отношению к Евмелу. Тем самым он обнаруживает свои проэллинские симпатии. Перечень благодеяний Евмела заканчивается упоминанием об услугах, оказанных им византийцам, синопцам и большинству других эллинов, живших на Понте. В конце он говорит о переселении на Боспор одной тысячи жителей Каллатии, осажденной в то время Лисимахом, которым Евмел дал безопасное убежище и снабдил землей (D i o d., XX, 25).

Связь внутренней и внешней политики трудно изобразить ярче. Восстановление *ἡ πατρίος πολιτεία* в Пантикапее и дружественная политика по отношению к другим греческим городам в тексте Диодора трактуются как две стороны одной и той же политической программы.

В свете всех этих соображений о сложившейся на Боспоре политической обстановке обвинение, выдвинутое Эсхином против деда Демосфена, представляется вполне реальным фактом. На Боспоре существовали проэллинские политические течения, враждебные Спартокидам, и афиняне всегда могли найти в них опору. Нет поэтому ничего невероятного в том, что один из городов, расположенных на побережье Боспора Киммерийского, оказался в составе их союза, а также и в том, что позже он,

¹ С. А. Жебелев, Образование Боспорского царства, ИГАИМК, вып. 104 (1935), стр. 14.

² А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 16; В. В. Латышев (Ποιτικά, стр. 75) стоит на такой же точке зрения.

в связи с изменившейся политической обстановкой и под давлением Спартокидов, из него вышел.

Весьма вероятно, что это отпадение Нимфея от Афин было подготовлено Гилоном. Тем охотнее мог принять его Сатир и поручить ему управление частью своих владений. В глазах Сатира Гилон должен был представляться человеком достаточно надежным, надежным уже по одному тому, что для Гилона, осужденного в порядке исангелии его согражданами, навсегда был закрыт путь возвращения на родину и, следовательно, он был свободен от тех подозрений, какие внушал Сатиру упоминаемый в трапезитской речи Исократы Сoney.

Итак, измена Гилона и отпадение Нимфея не только не являются маловероятными, но, напротив, вносят еще один штрих в наши представления об обстановке, сопровождавшей деятельность первых представителей династии Спартокидов.

Собственно говоря, у нас имеется только один факт, на первый взгляд опровергающий предположение о пребывании Нимфея в составе Афинского союза. Имеется в виду находка двух нимфейских монет. Они были обнаружены в сосуде, выброшенном в море на побережье Эльтегена. В этом сосуде, наряду с пантикапейскими монетами V в. до н. э., находились и две драхмы с изображением головы женщины (очевидно, нимфы), виноградной лозой и надписью NYN на обороте: первая весом 4,92, вторая—4,73 г.¹

Как известно, члены Афинского морского союза были лишены права самостоятельного выпуска монеты. Как же в таком случае примирить все сказанное выше о пребывании Нимфея в составе этого союза с фактом существования этих монет? Можно выдвинуть ряд соображений, устраняющих это противоречие.

Монетная чеканка Нимфея, судя по всему, была кратковременным эпизодом в истории боспорской нумизматики. Обе найденные монеты, именно благодаря тому, что они были обнаружены в одном кувшине с пантикапейскими монетами V в., довольно точно датируются второй половиной V в. до н. э. По авторитетному мнению А. Н. Зографа, в IV в. Нимфей монету не чеканил.

Следовательно, и до начала чеканки своей монеты, и после, Нимфей, очевидно, пользовался монетой Пантикапея. Это обстоятельство прямо вытекает как из факта находки нимфейских монет в одном сосуде с пантикапейскими, так и из полной аналогии между двумя указанными выше монетами Нимфея и монетами пантикапейских выпусков. Типологическая близость их несомненна.

Следует думать, что Нимфей потому и стал чеканить собственные монеты, что утратил возможность пользоваться пантикапейскими. Он выпустил нужную ему для расчета на местном рынке монету по точному подобию пантикапейской, ибо местный рынок, очевидно, привык к пантикапейской монете. Таким образом, существование кратковременного периода выпуска Нимфеем своей монеты скорее говорит о выходе его за пределы боспорского государственного объединения.

Что касается вопроса о том, как Нимфей мог чеканить свою монету, находясь в составе Афинского морского союза, то в данном случае следует учесть, что Нимфей был расположен на далекой окраине и в большом расстоянии от Афин. Совершенно не исключается, что такие союзники Афин

¹ Каталог Бурачкова, табл. XVIII, 10, 11; Бертье-Делагард, «Нум. сб.», стр. 191; А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 478. Клад, выброшенный в Эльтегене, был подробно описан Л ю ц е ц к о.

могли находиться в несколько особом положении по сравнению с остальными.

При таких условиях находка нимфейских монет, явно предназначенных для местного рынка, не только не противоречит нашим представлениям о характере взаимоотношений между Афинами и их союзниками, но, наоборот, позволяет установить еще одну черту афинской политики.

Нам представляется, что все имеющиеся данные о пребывании в течение некоторого, может быть, весьма непродолжительного, времени Нимфея в составе Афинского морского союза в историческом отношении настолько надежны, что на них можно опираться и при оценке афинской внешней политики, и при оценке исторической обстановки, сложившейся в то время на Боспоре.

Данные источников об измене Гилона существенным образом дополняют наши представления об этой обстановке.

